

ОЛЬГА ЕСАУЛКОВА

Кто куда, а я в деревню!

ИЛИ МЁД И МАСЛО ДУШИ МОЕЙ

Ольга Есаулкова

Кто куда, а я в деревню!

или Мёд и масло души моей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18664062
ISBN 9785447482534

Аннотация

После ссоры с мужем Лёля уезжает в деревню к своей тётке, чтобы немного отвлечься от суеты, а находит... возможность снова стать самой собой, вернуться в детство, вновь поверить в чудеса. На этом пути Лёлю ждет много приключений: недолго думая, она решит сосватать свою тётю за соседа, но это станет только началом безумного и очень весёлого круговорота событий. В книге собрались вместе под одной обложкой жаркое деревенское лето, упоительно вкусная еда и яркие, колоритные персонажи!

Содержание

«Ну, здравствуй! Твой запах антоновских яблок...»	5
Кто куда, а я...	7
Привет-привет! Пока-пока!	16
Игры в классиков	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кто куда, а я в деревню! или Мёд и масло души моей

Ольга Есаулкова

Моей семье, родным и близким людям.

Моему Дому.

Моей Бусе, которая всегда со мной.

© Ольга Есаулкова, 2016

Корректор Ольга Шепитько

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ну, здравствуй! Твой запах антоновских яблок...»

*Ну, здравствуй! Твой запах антоновских яблок
Мне снится ночами, мне чудится часто,
И если мне грустно, несладко и зябко
Я клею на душу его, словно пластырь.*

*Мне вишен твоих назабвенно цветенье,
Черемухи буйство! Какое же счастье,
Когда лишь за ночь, что казалась мгновеньем,
Сирень одевалась в лиловое платье!*

*Сугробы твои были мягче перины,
А Деду Морозу известен твой адрес,
Куда неизменно он каждую зиму
Подарков мешок приносил. Или в кадре*

*Задумчивый день. И ленивое солнце
Запуталось в желтой листвы паутине,
И облака, что всегда незнакомцы
Плывут над тобой по сентябрьской сини.*

*Твой голос: то вдруг заскрипит половица,
То кашляет дверь, то стена завздыхает —
Он часто мне слышится тоже и снится,*

Баюкает он, веселит, утешает...

И мне невозможно и маятно крайне,

И мне не нужны никакие богатства,

Лишь только вернуться – довольно скитаний!

К тебе и воскликнуть: «О, дом мой, ну, здравствуй!»

Кто куда, а я...

– Посторожите это покамест, я мигом туда-сюда, – раздалось откуда-то сверху, и рядом со мной на вокзальную скамейку, выдавшую виды и сотни тысяч седалищ, плюхнулась небольшая, но увесистая сумка-баул, как и положено, клетчатая и сильно замызганная.

В тот момент я с наслаждением начала уминать вожаделенный, ароматный, исходящий соком, напичканный специями и всеми видами ГМО горячий бургер. Фаст-фуд я позволяю себе только в дороге: эдакое послабление, оправданное тем, что мой организм путешествует и может получать любые, даже запретные, гастрономические удовольствия. И вот та самая ситуация: вокзал, чемоданы, вкусная снедь, первый лакомый кусок – и... Ну как так можно, а? Ну, нельзя трогать человека, если он ест, это же просто варварство в чистом виде!

– Мммм, – только и смогла произнести я, но обладателя баула уже и след простыл. Я радею за безопасность всей душой, но, каюсь, тогда моя душа молчала, а желудок требовал сиюминутно употребить аппетитный сэндвич. Вот доем сначала, а потом уже сдам и сумку, и её хозяйина-идиота органам правопорядка (хотя в более диких странах таких товарищей наверняка сдают НА органы, причем любые, кроме мозга).

Я откусила очередной кусман, и тут рядом со мной попут-

ным ветром пронесло полицейского. Как вовремя! Я приветливо помахала ему рукой и сообщила:

– Ум умо хмоммо хмумофку фофшафив!

– Женщина, вы пьяны? – полицейский оглядел меня невозмутимо и строго. Под этим тяжёлым, неподвижным взглядом я с огромным трудом и даже болью проглотила кусок, внезапно ставший каменным.

– Я говорю, тут кто-то вот сумочку оставил, – прохрипела я и добродушно похлопала по баулу рукой. Не знаю, как я могла поступить столь глупо и неосторожно, но, видимо, фаст-фуд все же очень крепко и, самое главное, очень быстро поражает мозг. Напрочь вышибает ум.

– Не поднимайте руку с сумки! – взревел полицейский. – Замрите!!!

И события стали развиваться с космической скоростью: все пассажиры вокруг исчезли, а меня вместе со злополучной поклажей взяли в плотное кольцо стражи порядка.

– Оставайтесь на месте, не двигайтесь, не шевелите рукой! – командовали они. – Скоро придут сапёры, и мы сможем вас отпустить в целости и сохранности.

«...Если повезёт», – читала я по их губам. Вот попала так попала... И легко сказать «не двигайтесь». После таких слов непременно начинает чесаться нос и зудеть в ухе. А еще от баула просто-таки разило рыбой, точнее – селёдкой.

От волнения и невыносимого селёдочного духа съеденный бургер, будь он неладен, начал проситься обратно, на-

верное, ему было любопытно, что за сыр-бор происходит снаружи. Но я удерживала его изо всех сил: когда еще мне доведётся поесть, да и доведётся ли вообще.

Погибнуть от взрыва с ароматом селёдки очень обидно, но я страдала ещё и по другой причине: именно в тот день мы с моим мужем Артёмом серьёзно поругались по какому-то совершенно наиглупейшему поводу.

...Вообще-то я отходчивая, мне достаточно пяти минут, чтобы осознать свою долю вины в ссоре и пойти мириться, бодая головой, как телёнок, спину любимого мужа...

Что же нашло на меня в этот раз, я и сама с трудом могу объяснить, а только вот «виноват он, и всё тут». Ко всему прочему, у меня начался отпуск, а за окошком буйствовало невероятно тёплое и ласковое лето. И такая мысль пришла в мою отчаянную шальную голову: «А чего мне, молодой и красивой, киснуть в городе, накручивая себя и укрепляя стены личной трагедии?» Кроме того, нахождение с мужем в одной квартире являлось причиной великого соблазна: снова идти бодать головой спину и признавать поражение. А на меня впервые в жизни нашло отчаянное желание выдюжить, не показать свою бесхребетность. А ещё желательно, чтобы наконец попросили прощения, валяясь у меня ногах. А почему нет? У всех валяются, а у меня пока – ни разу.

К сожалению, при подсчёте моих финансов они дружно спели не только романсы, но и станцевали лезгинку, ламба-

ду, вальс, отклонялись и помахали ручкой.

Вот тут и случилось у меня озарение: тёплой ласковой волной накрыли воспоминания о доме, где я жила в детстве, о тогдашних жарких летних деньках. И я решила, точнее, решилась...

Удивительно, что на сборы чемодана мне хватило пары часов против обыкновенных пары дней. «Так вот что значит целеустремленность», – подумала я и для убедительности данной мысли подняла вверх указательный палец.

А вознамерилась я рвануть в «Туево-Кукуево», где меня, в общем-то, никто и не ждал... Ну хотя как никто не ждал? Там, в деревне Утекаево, жила любимая тётка, которой я позвонила уже с вокзала: «Валентон, это я, Лёля! Я тебе мчу-уууу, ты слышишь? Жди давай меня!» И Валентон покорно сказала: «Ох, ёшки-матрёшки, кого я слышу! Ну давай-давай, мчи! Только сама знаешь, я тебе тут устрою концлагерь, трудовые будни заключённых!» Она, моя тётка Валентина, – большая шутница и баловница. И, уверяю вас, она прекрасна в этой своей ипостаси! Она безмерно любит, когда её кличут Валентоном, как когда-то придумала я. Она очень весёлая и очень упрямая... И... Увижу ли я её теперь? Все мои планы на лето и вообще на жизнь висели на волоске.

Хоть бы у мужа успеть попросить прощения. Дрожащей рукой я отложила в сторону ошмётки своего обеда и попыталась достать из кармана мобильник, но меня сию секунду одёрнули полицейские: не двигаться, и всё тут!

– Но у меня муж! – пыталась я вразумить блюстителей закона, однако никакие сантименты их не трогали.

– Хорошо, что муж, так не делайте его вдовцом, – мрачно увещевали они меня. Успокоили, нечего сказать.

Я погрузилась в невеселые мысли о злодейке-судьбе и не сразу заметила суету сбоку от меня: там двое полицейских заламывали руки мужику в красном спортивном костюме, который рвался в мою сторону, брыкался и верещал.

– Не имеете права! Она моя! – заходился он в крике и смачно плевался на пол.

– Женщина, вы его знаете? – обратились ко мне полицейские.

– Знать не знаю и не понимаю, почему он говорит про меня «она моя», – скривила я лицо. Конечно, я симпатичная, но чтобы вот так... продираться ко мне через кордоны. Посмотрел бы на это сейчас мой муж, любопытно, как бы он запел...

– Да не ты, дура, – злобно пыхнул в мою сторону мужик, – сумка моя! Там селёдки на несколько тыщ!

Ах, вот оно что... Не я королева этого бала. Ну и ладно, пусть только меня поскорей отпустят! Без движения у меня начало мучительно сводить руки и ноги. Да и до поезда оставалось недолго.

– Да-да, от сумки в самом деле разит сельдью! – пыталась я убедить полицию. Но на слово мне никто не верил. Отвлекая себя от наступающих слёз, я представляла возмож-

ные заголовки передовиц: «Селёдка-убийца захватила один из московских вокзалов», «Не закуска, но террористка: ива-си угрожает миру», «Сельдь, напичканная тротилом: террор по-русски».

Наконец приехали сапёры. Служебная собака с умными глазами и серьёзным выражением лица, то есть морды лица, обнюхала баул, очень по-человечески наморщила влажный блестящий нос и громко, брызгая слюнями, чихнула. Это был самый прекрасный и замечательный чих в моей жизни!

– Будьте здоровы, – сказала я собаке и от умиления пустила слезу. Собака легонько кивнула: «Спасибо».

– Да нет тут никакой взрывчатки, – подтвердили собачью версию сапёры, проверив сумку, – рыба тут, как есть – селёдка.

– А я что говорил, – трубил краснокостюмный мужчина, размахивая освобождёнными руками, словно чокнутая мельница.

Меня тоже больше никто не удерживал, и я поспешила на поезд, радуясь жизни и свободе. Попыталась сообщить о своём счастливом спасении Артёму, но его мобильный был недоступен. Ну что ж, дорогой, значит, не зря я придумала своё путешествие, попляшешь ты ещё у меня!

Возле вагона меня нагнал запыхавшийся владелец мерзкого рыбного баула. Морда виновника моих злоключений сравнялась по цвету с его же костюмом. Я попыталась пройти в вагон, но мужик перегородил мне дорогу всё той же

клетчатой сумкой.

– Эта, ты извини, если чо. Я не специально же. Просто билет надо было купить, а сумка тяжёлая, сама понимаешь, – бубнил он. Нет, я не понимала и не хотела понимать.

– И эта, я там сказал, ну эта... сгоряча! Ты не дура, а очень себе знатная бабёнка, честное слово, – горячился опомнившийся донжуан. Поздно, добрый молодец, красну девицу окучивать, когда она сама Кощея одолела! Но красномордый не сдавался:

– Давай я тебе в качестве «извини» селёдки хоть отгружу, а? Вкусная, с икрой!

– Давай, – устало согласилась я. Как же ты мне надоел, и ведь хватает наглости и тупости...

Обрадованный товарищ полез в сумку, долго там копался, поднялся с ещё более пунцовым лицом, держа в руке жирную и действительно аппетитную сельдь.

Я аккуратно приняла её, улыбнулась почитателю иваси самой сладкой улыбкой... размахнулась, метко забросила хвостатую добычу прямо в гущу снующей толпы и со всей дури заверещала, подражая манере базарных баб:

– Оооой, тут мушщина селёдкой по люДям кидается! Спасите! Он совсем сошёл с ума! Он рехнулся! Бандит! Помогите!

Толпа отозвалась на мой клич визгами, криками и отборными матюками. Оттолкнув ногой баул, я впрыгнула в тронувшийся поезд, а наряд полиции уже бежал к опешившему

обладателю клетчатого потрёпанного баула. Несладко ему придётся – только вроде оправдался, а уже опять рецидив. Точно несладко – с таким-то солёным грузом!

...Усталость от насыщенного событиями дня взяла своё, и потому, едва только поезд тронулся, я погрузилась в приятную дрему и проспала все долгие часы дороги, ни разу не приоткрыв глаз.

И сон мне приснился удивительно правдоподобный: будто Валюша примеряет сумасшедшей красоты красные туфли на тонкой шпильке. Делает она это сосредоточенно, серьёзно, топает ногами, рассматривает туфельки со всех сторон в зеркале, прохаживается туда-сюда: она и довольна, и сомневается. Но самое удивительное, что рядом с ней примеряет точно такие же туфли ещё какая-то женщина. Ее фигура и лицо будто в тумане, узнать невозможно. Она проделывает с туфлями те же штуки, что и Валя: крутится в них перед зеркалом, оценивает, ощупывает. А затем незнакомка и Валя сходятся, начинают кружиться в танце и постепенно исчезают, растворяются в воздухе...

Я очнулась, огорошенная сновидением, за пять минут до прибытия поезда в пункт назначения. Любопытный сон, очень яркий и живой, вполне возможно, что и пророческий. Надеюсь, ничего экстраординарного он не предвещает, хватило уже вчерашних селёдочных событий, как говорится, наелась! Но я не догадывалась, что произошедшее на вокзале – просто детский лепет по сравнению с приключениями, ожи-

давшими меня и довольно похихикивающими в предвкушении нашей встречи.

Привет-привет! Пока-пока!

От вокзала до пункта назначения мне предстояло добираться, приложив не только интеллект, но смекалку, притворность и эту... как её... коммуникабельность! Рейсовых автобусов до Утекаево, конечно, не было. Выход очевиден: попутки! Я изрядно помыкалась по вокзальной площади и, несмотря на коммуникабельность, получила отказ от всех потенциальных извозчиков: «Нее, туды не поеду, это же в такой Требухаловке, что итить-надоить!» Я уже почти отчаялась, но тут вселенная надо мной смилоствовала и, если можно так сказать, подкинула вариант. «Подарком судьбы» оказался разваливающийся на ходу мотоцикл с коляской, управляемый усатым и чубатым мужиком лет шестидесяти, густо-дымно курившим «Приму», знаете, этакое красное знамя советских курильщиков. Я кое-как запихнула чемодан в мотоциклетную люльку и напялила предложенную мне каску, такую старую, что казалось – именно в ней некий древнеримский герой сражался в своих самых величественных походах. И, судя по трещинам и вмятинам, в ней же и был повержен. Я уселась позади моего водителя, который эффектно крякнул и нервно торкнул ногой педаль своего железного коня. После этого, будто эхом отозвавшись на зов хозяина, крякнула его колымага и глухо и надрывно затарахтела, выпуская клубы чёрного дыма из прокопчённой

до угольного цвета трубы. Поехали!

Мимо нас мелькали похорошевшие после пережитых холодов, обогретые летним солнцем деревенские дома, бархатные от молодой зелени леса, заливные, мелко цветущие луга, бегущие к горизонту, ещё только набирающие силу поля. Казалось, дороге нашей не будет конца, так долог мне казался путь, и тому были причины. Несмотря на окружающую красоту, меня потихоньку начало мутить от мотоциклетной трясучки и папиросного аромата, хотя, честно признаюсь, я и сама порой не гнушаюсь сигареткой, да и с вестибулярным аппаратом у меня полный порядок. А ещё у меня весьма затекла спина и... стала болезненно ощутима мягкая часть, которой спина заканчивается. О божечки, взмолилась я, давай мы уже приедем, пожалуйста!

Куряка-водитель, пусть его путь будет усеян розами и лучшим табаком на свете, довёз меня до самых ворот тёткиного дома. На прощанье он снова браво крикнул и хитровато мне подмигнул. Уехал он, впрочем, недалеко: буквально через сто метров, у соседского дома, остановился, слез с мотоцикла и зашагал к калитке. Сосед, значит... «Григорий», – крикнул мне, махнув приветственно рукой. «Лёля, очень приятно!» – прокричала в ответ я и тоже махнула.

Деревня Утекаево встретила меня здоровой тишиной погожего летнего полдня. Но тишина эта не абсолютна. Прислушайтесь... Вот звук мерного сладкого жужжания шме-

лей в саду, но его заглушает и перекрывает другой: зали-
вистый, вызывающий зависть мужицкий храп, доносящийся
из распахнутого окна. А там, из беседки, увитой виноградом,
доносятся звуки щёлкающих под напором умелых паль-
цев семечек и неразборчивое бормотание двух женских го-
лосов. И еле слышно, но всё-таки можно, можно различить,
как на другом конце деревни переругиваются сомлевшая
от жары собака и дурак-петух, подозревающий пса в том,
что тот заглядывается на его новую курочку. И если сделать
слух своим единственным восприятием, то становятся раз-
личимы шёпот трав и убаюкивающий шелест листвы, вол-
нующейся от дуновения ветра, который родительским же-
стом оглаживает всё вокруг. И все эти звуки и шорохи на-
вевают невероятное томление, окутывают тягучим благост-
ным маревом... И уже ничего не слышно... спать... спать...
«Не спать!» – приказываю я себе и, вернувшись в реаль-
ность, делаю несколько шагов и захожу в калитку.

Дом, милый дом... Какой же роскошный сад получил-
ся в умелых Валентиновых руках. Я восхищённо ахнула
и вдохнула густой тёплый воздух. Остро и влажно пахло
свежескошенной травой, тепло и солнечно – нагретым де-
ревом, изысканно и благостно – тонко-фарфоровыми роза-
ми и еле слышно – сладко-коричной сдобой. Это был тот са-
мый, неповторимый запах детства, деревенского лета и неиз-
бывного, безосновательного и бесконечного счастья. Боже,
как же хорошо!

Я бросила свою поклажу на короткостриженный газон и по-неслась в дом. Я чувствовала себя маленькой девочкой, которая приехала к родственникам на каникулы и точно знает, что вот сейчас её вкусно от пуза накормят-напоят и отправят на речку загорать и купаться. И можно будет безмятежно радоваться каждому мгновению лета, цеплять выгорающей макушкой солнце и пересчитывать веснушки на любопытном носу: «Сегодня 37! А вчера было только 33!» И никто не заставит батрачить в огороде, потому что «ребенок приехал здоровья поднабрать и весу!»

В доме было подозрительно тихо. Я прошла через прихожую и столовую в Валину спальню. В ней многое поменялось с момента, когда я тут жила, но несколько предметов остались неизменными. Вот настенный ковер «Охотники на привале», изученный мной в детстве вдоль и поперек. И я любила его безмерно, потому что он скрашивал мою скуку, когда я болела и мне запрещалось читать и смотреть мультики. Но про охотников все забывали! И я с ними «сидела на привале» и, открыв рот, слушала охотничьи байки.

А вот старенькое трюмо с зеркалом. На нем стоит фарфоровая фигурка рыбака, тянущего сетью свой толстобокый улов. И снова рыба, надеюсь, хоть в этот раз не селёдка!

На зеркале трюмо прикреплена фотография. Самая легендарная, оберегаемая и чтимая в нашей семье. Почти икона. На фото – молодая чернокудрая женщина с тёмными искристыми глазами и яркой, белозубой улыбкой. С ней связа-

на какая-то наша семейная драма, какая-то почти трагедия, тайна, радость, боль... Я забыла подробности... Я расспрошу об этом Вальо.

И я последовала дальше – в такую родную и знакомую комнату – «залу», по местным меркам уставленную и украшенную довольно богато: бежевые обои с золотым отливом, отчаянно розовые гардины из тяжёлого атласа, массивные диван и кресла, упакованные в бордовый велюр, толстоворсовый с восточным орнаментом ковёр на полу, тёмного дерева мебельный гарнитур, венчал который огромный плазменный телевизор.

В этой-то комнате я и обнаружила свою любимую тётку. Она... танцевала, и это был весьма странный танец, в котором элементы стрипа были совмещены с движениями, позаимствованными из лезгинки, дополнены пластичными мотивами танца живота и взлязгиваниями, свойственными диско 90-х. На голову Валентины были водружены пузатые очень модные и дорогие наушники, очевидно, льющие в её уши бодрую музыку, что и объясняло причину тётушкиных телодвижений. Одет Вальоша тоже была не абы как, а загляденье просто: розовые лосины и потрясающая воображение пёстрая, как весенний луг, рубашка «свободного крою, чтобы ничто не мешало жить». Моя Валентон очень уважает яркую одежду, до умопомрачения любит именитые лейблы и бренды. И если на сумке красуется логотип Prada размером больше самой сумки – счастью Валентины не будет предела.

Она – та самая целевая аудитория турецких умельцев, производящих настолько вопиющие и даже пошлые подделки, что диву даешься, на кого они рассчитаны. Так вот, повторюсь, их покупатель – моя Валюша. Однажды я купила тётке удивительную белоснежную тунику, не заметив на ней размахнувшееся на всю спину наименование некоего известного производителя одежды. Я очень расстроилась, потому что сама бы не надела такое кричащее в прямом смысле слова изделие. И что вы думаете? По мнению Вали, это был лучший подарок. Она надевает тунику только «на променад» и «на выход», потому что «это вещь, Лёля, с именем! Это же понимать надо!»

Когда Валентина наконец меня заметила, то кинулась так мощно тискать всё моё существо, что возникло ощущение, будто я попала одновременно в торнадо, под асфальтовый каток и в объятия самого огромного в мире медведя. Валя очень мощно выражает свои чувства и эмоции, и по этой причине её любовь может быть такой же угрозой для объекта, как и ненависть. Она тискала меня, целовала, щипала, похлопывала, мяла и мацала, приговаривая:

– Лёлька, девка моя ненаглядная, красавица, умница, зараза такая! Ну, наконец-то ты приехала к своей больной старой тётке, которая уже находится одной ногой в могиле...

Конечно, она сильно преувеличивала данные о своем самочувствии, ибо обладала здоровьем молодой девушки, а энергии у неё было столько, что она могла бы заряжать ею

космические корабли, которые на этом топливе долетали бы до Марса, а может, и до Кассиопеи.

Не обладая высоким ростом, Валя выглядит всё-таки очень внушительно. У неё широкие, почти как у пловчихи, плечи, мощные натруженные в непростом физическом труде руки и курпулентная фигура – Валя не только великолепно готовит, но и является страстной гурманкой и любительницей вкусно и добротно поесть, не по-французски, как птичка, а «чтоб пузо было довольное и организм работать хотел». Тёмно-каштановые её волосы, подернутые легчайшим прикосновением седины, довольно коротко подстрижены, но обладают настолько пушистым характером, что создают вокруг головы объёмный волнующийся от любого движения ореол. Раньше Валюша волосы старательно завивала «химией», пыталась хоть как-то научить их послушанию, но теперь, когда стало понятно, что все попытки обуздать природу тщетны, просто иногда накручивает их плойкой или прибрязгивает наисильнейшим лаком. Взгляд у моей тётушки искристый, хулиганистый и молодой-молодой, невзирая на возраст и всякое пережитое. Я очень люблю её глаза: глядя в них, я понимаю, что жизнь – это счастье. Кто бы что ни говорил.

После всех необходимых церемоний, обмена любезностями и новостями первостепенной значимости («Как добралась?» – «Хорошо») мы переместились в кухню, чтобы почаёвничать. К сожалению, чаепитие закончилось, так и не начавшись. У тётки зазвонил мобильный: срочный вызов. Валя

работает ветеринаром на местной ферме, и служебный долг звал её помочь готовой вот-вот разродиться кареокой тёлочке Изабеллочке. В фермерском хозяйстве бытовало поверье, что без Валентины телячьи роды – это полный бред и беспредел, который добром может не кончиться. «Не могла до завтра потерпеть, тёлка-перетёлка», – прокомментировала Валия и, взмахнув своей густой копной волос, умчалась к рогатой роженице.

Оставшись одна, я поняла, что отсутствие хозяйки некоторое время – это всё-таки больше хорошо, чем плохо, потому что мне категорически необходимо было привести себя в порядок после долгой и местами пыльной дороги. Я решила забрать в дом свои вещи, но, выйдя на крыльцо, обнаружила крайне неприятную ситуацию вокруг моего чемодана. Поспешно бросив его куда попало по прибытии, я совершила серьёзную ошибку: багаж угодил прямо на газонную поливалку, которая – вот чёрт! – включилась, пока я в доме проходила сцену «Возвращение блудной племяшки». Охо-хо, все мои вещи стали мокрыми насквозь. Поскольку правила деревенской жизни не приветствовали хождение по двору в эротично мокрой майке, мне пришлось позаимствовать на время Валин расписной халат. Да, размерчик был слишком внушительным для моего тщедушного тельца, но, обмотав его вокруг себя на манер кимоно и перетянув пояском, я смотрелась довольно сносно. И как говорилось в одной рекламе: «А главное – сухо!»

Для омовения брэнного тела в летний период у тётушки в саду был сооружён душ. Строение представляло собой небольшой домик, размером чуть больше туалетного, с чёрной бочкой наверху. В бочку накачивалась вода, которая за летний день нагревалась от солнца. Горячей водица никогда не получалась, но после жаркого дня и нужна была другая: чуть тёплая, немного бодрящая и освежающая.

Вода в душе на поверку оказалась такой ледяной, что сводило зубы; видимо, Валуша совсем недавно закачала свежую порцию в бочку, но это не беда, потому что на такой случай срочной помывки дальновидная хозяйка предусмотрела искусственный нагрев. Для его включения желающий помыться, очевидно, должен был использовать «пульт управления», являющий собой воплощение высшей ученой и творческой смекалки, чудеса научных достижений и самых смелых идей в области технологий: на длинном толстом проводе болталась дощечка небольшого размера, на которой торчали два ржавых рычажка, соединённых бельевой верёвкой; между рычажками красовалась, будто гостя из будущего, прибитая толстым гвоздём кредитная карта. Надо будет у Вали уточнить, зачем в этой и без того фантастической конструкции нужна кредитка. Может, как напоминание о необходимости платить за электричество, используемое для нагрева воды?

Каким-то чудом мне удалось включить нагревательный прибор, о чём сообщили шипящие и кашляющие звуки

из бочки. Именно так и должна звучать подобного рода техника, успокоила я себя и с лёгким сердцем решила скоротать время, подкрепившись необыкновенно свежей малиной – прямо с куста. Малинник, произраставший справа от дома, ровнёхонько у соседского забора, был чудо как пышен и красив. Ягоды уродилось очень крупными и в большом количестве, они грели свои яркие и сочные бока среди густой листвы и манили «хотя бы попробовать», «а потом ещё одну», «не останавливайся»... Неспешное, столь лакомое поедание малины было сродни медитации, и я уже почти достигла нирваны, когда вдруг заметила... глаз! Я даже не сразу поняла, что это именно глаз, пока не увидела второй. Сквозь кусты из-за забора кто-то бесстыдно подглядывал за тем, как я наслаждаюсь малиновым беспределом.

Признаться честно, я труханула. Омерзительный страх заставил меня онеметь и очень быстро и почти бесшумного ускользнуть в дом. Позже, вспоминая всё произошедшее, я устыдилась своего бессловесного побега, того, что не подавала голос, не поздоровалась, не уточнила, «чо надо?» Вот уж в чём-в чём, а в отсутствии вежливости меня обычно трудно упрекнуть.

Дома на кухонном столе я увидела очаровательнейший букет полевых цветов в трёхлитровой банке, и это заставило меня испытать ещё больший испуг, даже панику, и облиться мощной порцией холодного пота. Нет, я не страдаю антрофобией, то есть боязнью цветов, я испугалась самого факта

присутствия данного букета на столе. Всё дело в том, что когда я ранее покидала кухню, этого чёртова цветущего веника там не было!

Я прошлась по дому, поаукала, позвала тётку, которая вполне могла вернуться и принести с собой букет, но тщетно: Валюши не было. Что ж, подумала я, вероятно, моя дырявая память ранее не запечатлела эти цветы, такое со мной иногда бывает. В любом случае, придумывать иной вариант объяснения их чудесного появления я совершенно не хотела. А хотела принять наконец душ и выпить чашечку кофе. Или чаю. Или водки.

...Вода в душе прогрелась как раз до правильной температуры: приятно тёплая, но тонизирующая периодическим выплеском прохладных струй. Мне было очень хорошо. Я уже нанесла на себя крепкую мыльную пену и от наслаждения собиралась запеть свою любимую «Там, где клён шумит», как вдруг услышала за стенкой душевого домика сухое мужское покашливание. От ужаса в моей голове пронеслась тысяча мыслей одновременно, среди них наиболее настойчиво бились «вызвать полицию, но нет мобильного» и «вот блин, вляпалась, нарвалась-таки на маньяка, муж ругать станет», а также «если что, интересно, Артём найдет себе новую жену?» И снова я поступила так, как мне было несвойственно: не стала орать и вызывать огонь на себя, а затаилась и решила ждать развития ситуации.

Человек по ту сторону двери заговорил:

– Ты это... я что хотел сказать-то... я как увидел тебя в этом халате в кустах-то, я ещё больше с ума сошёл, чем раньше-то, понимаешь? Ты это... может, давай сегодня ко мне в гости-то, а? Чайку пошмыркаем, туда-сюда, винца махнём? Совсем ведь в мою сторону не глядишь, а я ведь же хороший человек, я же не могу даже тебе в глаза смотреть... как это... бездонные, вот! Ты это... ну... как-то, может... ща...

Послышался шорох разворачиваемой бумаги.

– Собла-бла-го-волишь и будешь сни-схо-ди-тельней ко мне. Вооот. Уффф... А давай я тебе песню спою, как будто у тебя радио в дУше, как там показывают, в городе... в Америке?

Голос прокашлялся и хрипловато, с легкой дрожью запел:

– Издалека долгаааааа,
Течёт река Волгаааааа,
Течёт река Волгааааа,
Конца и края нет...

Пока маньяк выводил для меня свои маньячные рулады, я осмотрела душевую. Слева от меня на стене висел чугунный громоздкий ковшик с длинной ручкой, который всем своим видом говорил: будь смелей, айда на баррикады! И это было как нельзя кстати, потому что если певец-чикатило присмотрел меня в качестве жертвы, медлить было невозможно, он мог в любой момент напасть на меня физически, а не только

голосом. «Ну, маньячина проклятый, сейчас я тебе устрою «издалека-долгаааа», – подумала я.

Прикрыв свою мокрую наготу всё тем же цветастым Валиным халатом, резким прыжком я выскочила из душа и с криком «ааааааррррррхххх!!!» обрушила ковшик на голову маньяка, который ойкнул и опал на землю, так и не закончив строку «А мне семнадцaaaaаать...»

Издав громкий победный клич, я быстро метнулась в сарай и принесла моток бельевой верёвки. Мерзкий мужик пребывал в глубоком обмороке. И поделом! Я связала его и аккуратно привалила к душевой кабине. Внимательный осмотр поверженного врага показал, что «не так страшен чёрт»: маньяк был немолод, сед, тщедушен и очень жалок. На его пепельной голове угрожающе рос внушительных размеров шишак, а небольшие усы топорщились от тяжёлого дыхания. Я понимаю, что в основной своей массе маньяки никогда не выглядят как закоренелые преступники – с наколками, накачанными бицепсами и откровенной жестью во взгляде, но этого товарища мне стало искренне, до щемоты в сердце, жаль, поэтому я приложила к его ушибленной голове смоченную в ледяной воде тряпку. Неужели у меня вот так быстро развился стокгольмский синдром?

Не успела я додумать эту мысль, как послышались шебуршащие шаги по садовой дорожке из гравия, и на поле моей битвы явилась взмыленная (в отличие от меня, всё-таки в переносном смысле) Валюша. Представляете, какая карти-

на открылась перед её ошалевшими глазами? О дааа! Полу-голая племянница стоит над связанным мужиком, который в этот самый момент открыл замутнённые глаза и пытался сфокусироваться и осознать действительность.

Я шагнула Валюше навстречу и открыла рот, чтобы рассказать о происшедшем, но Валя не из тех, кто ждёт объяснений, она уже сложила в своей голове два и два и решила действовать согласно полученному ответу: коршуном подлетела к маньяку и заорала на него благим матом, от которого лично у меня заложило уши, что уж говорить о несчастном пленнике:

– Ах ты, мать твою перетак, прыщ ты зеленопопый, да какого же рожна ты тут творишь, головешка мракобесная! Ща я тебе такую канонаду устрою, ты что ли совсем потерял последние капли разума, бездарь пухлоусый!

Неудавшийся чикатило ошалело смотрел на Валю и часто-часто хлопал глазами.

– Валя... Валюша... – прохрипел он. – Я чой-то не понял, за что? За что ты меня так?

– Я? – взывала ураганом Валя. – Я??? Старый хрыч! Ты напал на мою девочку!!!

Опустим, с вашего позволения, часть перебранки, вернее, нападок Валюши и недоумённого защитно-оправдательного лепета моего сталкера, и перейдём сразу к тому моменту, когда мы наконец во всём разобрались.

Маньяк оказался соседом тётки, Вениамином Фомичом,

который уже более полугода добивался её расположения. У него не было жены, жил он бобылём, но однажды, устав от одиночества, обратил свой взор в сторону яркой и темпераментной соседки. «Я её уж и так, и эдак, а она – ни в какую», – жаловался покоцанный мной тёткин ухажёр после пары рюмок сорокаградусного лекарства.

Нелепая ситуация с моим якобы преследованием началась с той минуты, когда Вениамин Фомич увидел знакомый яркий халат в кустах малины и у него не возникло никаких сомнений, что это Валюша лакомится сладкой ягодой. Романтическое сердце соседа дрогнуло и позвало вершить подвиги и вновь попытаться взять эту непокорённую пока вершину. Он нарвал цветов и тайком – «чтобы сурприз!» – принёс их в Валин дом. Далее изобретательный жених планировал с глазу на глаз пообщаться с моей тётушкой, но, услышав плескание в душе, решил, что такой вариант ещё и лучше – не придётся мямлить, смущаться и краснеть из-за своей подростковой скромности и стыдливости. Была ещё надежда, что зазнабушка станет более благосклонна благодаря её любимой песне. В общем, по прогнозам Вениамина, всё должно было закончиться ну совсем уж никак не побоями и нанесением тяжких телесных.

– А что, – поясняла после его ухода Валентина, – я должна сразу сдаваться? Я же женщина высшей категории!!! Пусть побеждает ещё за мной!

Очень уж нравится Валюшке, когда её уговаривают.

– Вот еще помариную чуток – и тогда только «привет-привет», – сообщила мне свои коварные планы Валентон.

– Как бы на твоё замаринованное «привет-привет» Вениамин Фомич не ответил свеженьким «пока-пока», – попыталась я постращать тетку.

Но её трудно запугать, она не из боязливых, и на всё-то у неё всегда есть ответ.

– А мы и тебе здесь жениха найдём! – выдала она.

– Валентон, у меня муж есть вообще-то, так, на минуточку...

– Вот именно, что на минуточку! Что за муженёк такой, от которого жена наутёк! Ладно, шучу я, Лёльк, шучу, не бойсь, жениха не будем искать. Разве что любовника, – и Валя залилась таким раскатистым заразительным смехом, что я чуть было не поддалась и не расхохоталась вместе с ней. Но сдержалась. Хмыкнула и пошла спать. Господи помилуй, куда я попала, в сериал какой-то, ей-ей!

Игры в классиков

На следующее утро я проснулась настолько отдохнувшая и полная сил, «крылатой пружиной на взводе», что хотелось обнять весь мир и поцеловать всякий листочек, всякую травинку, былинку и прочее живое и великолепное, что только встречу на своём пути. Я вспомнила, что мне было так же тепло и радостно каждый день, который я проводила здесь, в этом доме (масло и мёд души моей!), куда приезжала маленькой девочкой.

Когда же я была тут последний раз? Мне тогда исполнилось, вероятно, лет семь или восемь. Да, давно это было...

Так получилось, что в своё время мы с родителями перебрались из Саратовской области, к которой принадлежит и деревня Утекаево, жить далеко-далеко, почти на другой конец нашей огромной страны, и не приезжали на побывку к родным по простой и такой понятной тогда всем причине банального отсутствия денег.

Позже я поступила в московский университет и вроде бы стала ближе к местам моего детства, но молодые глупость и эгоизм не оставляли места для родственников. Тогда каждый день хотелось проводить не только в учёбе, но и предаваясь праздным гулянкам, влюблённостям и прочим забавам, которые казались очень важными и неотложными.

На последнем курсе я вышла замуж за Артёма, ставшего

успешным программистом ещё во время учёбы и завербованного зарубежной компанией, в связи с чем мы переехали в небольшой научный город в Германии. Там годом позже мой муж начал свой скромный, но быстрорастущий бизнес, в который очень удачно вписалась и я (по профессии филолог, я оказалась крайне успешной в деле написания текстов для крупных сайтов и крутых программ, над которыми и работала компания Артёма). Наша работа позволяла с лёгкостью менять места жительства, и мы с удовольствием поколесили по планете, проводя лето в Европе, а зиму на Бали или Самуи.

Насмотревшись на заграницу, мы приняли решение вернуться на родину. «Где родился, там и пригодился», – полагали мы. Российские реалии наконец стали позволять нам развернуться на родине и предложить свои услуги соотечественникам. Мы не стали втискиваться в шумную и многолюдную «нерезиновую» и предпочли ей благодушный, величественный и воздушно-романтический Питер, тем более что когда-то поездка именно в этот город стала для нас с Артёмом решающей для наших отношений.

И всё-таки вся эта история моей жизни никак может служить оправданием того факта, что лет с семи я не была в гостях у моей любимой тётки, в доме моего детства. Кстати говоря, с самой-то Валентиной мы виделись. Она приезжала несколько раз к нам гости: в Москву, а затем в наш с Артёмом коттеджик на краю Сицилии. Но, повторяюсь, всё это

никак не оправдывает меня. Никак. Потому что предавать места своего счастья – непростительная ошибка и самая глупая глупость.

...Так я лежала в кровати – в утренней прохладе и в ожидании новых чудесных событий. Мысли мои скакали с одной темы на другую, словно неукрощённый дикий конь. Например, я думала: а почему я не помню никого из соседей? Вот Григорий и Вениамин – совершенно незнакомые мне люди, хотя наверняка они жили здесь двадцать пять лет назад. Но, с другой стороны, и они меня не узнали. И другие жители деревни не узнают, если, конечно, не будут осведомлены быстродействующим сарафанным радио: «Приехала, слышь, Степановна, Валькина племянница-то». Впрочем, детская память не всегда крепка и надёжна. Схватывает и не удерживает события, зато сердце помнит: эмоции, ощущения, образы, запахи...

У головы моей мурчала кошка Микаэлла, ноги грел кот Барбугунчик. Да-да, такие имена для кошек выдумывает Валентина, что просто диву даёшься: откуда такое берётся в голове у барышни, которая выросла в селе и вовсе не относится к прослойке общества под названием интеллигенция. Но тягу к прекрасному, если человек эту тягу имеет, не задушишь и не убьёшь. Валя просто обожает читать книги классиков. В число её фаворитов попали Чехов, Бунин, Куприн – те, кто просто, но потрясающе искусно умел рассказать историю в короткой форме рассказа или повести. Такой формат

предпочитает Валя неспроста: в день у неё отводится на чтение минут 30—40, и в идеале в этот отрезок времени должна полностью уместиться прозаическая вещь. Читает Валя медленно, вдумчиво, наслаждаясь не только сюжетом и авторским слогом, но и самим процессом чтения. Из «долгого» — романов — осилила она только Шолохова с его «Тихим Доном» и Достоевского с его Раскольниковым. Цитаты из прочитанных книг она не только бережно и лелейно хранит в своей памяти, но и умеет мастерски использовать в подходящей ситуации, изящно ими жонглируя или даже обезоруживая оппонента, не ожидающего подобного от деревенской бабы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.